

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТУР ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА В СВЕТЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА

*Работа представлена кафедрой философии и социологии
Мурманского государственного педагогического университета.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Р. И. Трипольский*

Статья посвящена осмыслению феномена языка, его социальных аспектов в аналитической философии XX в. Рассматриваются подходы к анализу языка, осуществляется попытка проецирования различных взглядов и теорий мыслителей, занимавшихся данной проблемой, на область социального пространства. В статье определяется структура языковых действий – речевых актов в теориях языка и интенциональности некоторых аналитических философов, производится разработка отдельных положений и понятий, связанных с «социальной проблемой» функционирования языка.

Ключевые слова: *речевые акты, ментальное состояние, интенциональность, коммуникативные импликатуры, значение, пропозиция.*

P. Romanov

SOCIAL CONTOUR OF THE PROBLEM OF LANGUAGE IN THE VIEW OF THE 20th CENTURY'S ANALYTICAL PHILOSOPHY

The article is devoted to understanding of the language phenomenon, its social aspects in the analytical philosophy of the 20th century. The article provides an overview of different research approaches to the analysis of the language essence and makes an attempt to project the field of social environment through different views and theories of specialists working in this sphere. The author defines the structure of various linguistic actions presented, in particular, speech acts seen through some analytical philosophic theories. Besides, in this article separate states and notions, connected with the social problems of the language functions, are elaborated.

Key words: *speech acts, intentional stance, intentionality, conversational implicatures, meaning, proposition.*

Цель статьи – анализ социальных аспектов языка в некоторых концепциях аналитической философии XX в.

Логично начать рассмотрение искомой проблемы с теории речевых актов Д. Остина. По его мнению, механизмы языкового взаимодействия начинают активно функционировать в обществе тогда, когда «...склонность доверять к собеседнику, принимать во внимание свидетельства очевидцев является (основным) условием общения» [6, с. 103], обмена смыслом между участниками коммуникативного процесса. Отметим, что эти положения насквозь пронизаны поведенческой

природой социального – если ментальное и эмоциональное состояние одного не есть ментальное и эмоциональное состояние другого, то возникает необходимость прояснения возможностей полноценного языкового взаимодействия в условиях существующего препятствия путем фиксации поведенческих изменений индивида, его высказываний и дальнейшей идентификации и сопоставления этих изменений с эмоциональным миром окружающих [5, с. 434], где «...поведение наиболее просто «объяснимо» с той точки зрения, что переживаемые... эмоции действительно похожи на те, которые переживаем мы» [6, с. 136].

Остиновский анализ со всей очевидностью вычерчивает социальный контур языка, обрамляющий повседневные языковые стратегии индивида, ядром которых являются высказывания, имеющие прямое отношение к таким регулятивам человеческого поведения, как сфера морально-нравственного. Как пишет Остин, «...принесение извинений занимает чрезвычайно важное место. Но в том, что касается моральной философии в частности, изучение данного предмета играет совершенно особую роль – ...позитивную, в смысле развития позднейшей, тщательно продуманной теории поведения» [6, с. 203]. Философ анализирует «языковое поведение» человека, классифицируя его словоупотребления таким образом, что они имеют дело «...с установками и *социальным поведением*. Примерами являются извинение, поздравление, похвала, выражение соболезнования, проклятие, вызов» [7, с. 126].

Данная языковая стратегия, как форма высказывания в целом, называется «перформативом» и используется в целях совершения действий. Произнося такое высказывание, мы производим определенный акт – действие, которое, возможно, другим путем не смогло бы быть выполнено безошибочно. Вот некоторые примеры: «Я именую этот корабль “Свобода”»; «Я извиняюсь»; «Я приветствую вас»; «Я советую вам сделать это» [12, с. 12]. Эти действия, пишет А. С. Кравец, «...что-то изменяют в социальном мире: приводят к новым социальным статусам людей (как в случае приговора судьи или увольнения с работы), вводят новую номенклатуру в названии улиц, городов, кораблей и т. д., побуждают людей к определенным действиям (как в случае приказа, просьбы, мольбы), возлагают на говорящего определенные обязательства (как в случае обещания, клятвы, присяги), оказывают определенное ментальное воздействие на окружающего» [4, с. 85]. Согласно Остину, в большинстве случаев слова обретают значения в процессе совершения социальных действий. Высказывания, в которых социальные действия достигают своего результата, называются перформативами [15, с. 76]. Успешная реализация в

социуме перформативного высказывания, где вербальная его составляющая имплицитно вытекающие из них действия, достигающие своих изначально намеченных результатов в сфере человеческой коммуникации, возможна только в том случае, когда этим высказыванием соответствует определенный «...контекст, в котором произносятся эти слова» [15, р. 76], проясняющие суть языкового намерения, и, более того, выявляют «...один из путей, которым язык развивается в гармонии с социумом, который на нем говорит» [6, с. 274].

Если резюмировать данные выводы «...в соответствии с остиновскими определениями, то получается, что, переходя от “высказывания” к “языку”, мы переходим от более узкого контекста, каковым является специфическая ситуация конкретного речевого поведения, к более широкому контексту социальных и политических действий» [3, с. 11]. Слово в такого рода речевых актах тождественно делу, действию, изменяющему поведение коммуникантов, способных формировать и планировать социально значимые для себя цели. Речевые акты продуцируют совместную деятельность людей, включающую в себя «...коммуникативные намерения, психологические и поведенческие реакции, обычно присущие получателю по ходу общения, а также социальные последствия актов коммуникации» [2, с. 287].

Исходной ступенью выхода на следующий уровень развертки анализа языка остается искомая «теория речевых актов» Остина, в обновленном виде нашедшая свое продолжение в интенционализме Пола Грайса и Джона Серла.

Отмечая особую роль интенциональности как составного элемента речевого акта, Грайс предлагает рассматривать понятие «значение» (meaning) не в смысле языкового обозначения чего-либо, а как понятие, раскрывающее суть намерения человека, подразумевающего сказать что-либо, например, по следующей формуле: «Для некоторой аудитории А, – пишет Грайс, – U интендирует свое высказывание х, для создания в А некоторого эффекта (ответной реакции) Е, подразумевая, что А распознает его интенцию» [14, с. 58].

В общении, помимо непосредственно передаваемой информации в слове, человек принимает во внимание скрытые смыслы, подраумевания, несущие мощный социально-коммуникативный запал, оказывающий сильное влияние на поведение человека. Однако социальная суть коммуникации не ограничивается только этим. Важной составной частью коммуникативного диалога является цель. Как пишет Грайс, «...диалог представляет собой, в той или иной степени, особого рода совместную деятельность участников, каждый из которых в какой-то мере признает общую для них обоим цель (цели) или хотя бы “направление” диалога» [1, с. 221–222]. В «коммуникативных импликатурах» отображается повседневная логика и психология разговора – продукты общественной природы – социальные и моральные требования [1, с. 223], в которых «...от всякого, кто стремится к достижению конечных целей речевого общения / коммуникации (это может быть передача и получение информации, оказание влияния на других и подчинение себя чьему-то влиянию и т. п.), ожидается, что он заинтересован в этом общении» [1, с. 226].

Рассматривая перцептивные характеристики социально-психологических отношений, философ увязывает их со своей теорией значения. Словесные семантические потоки продуцируют внутренние ментальные эффекты, которые экстернализируются в разговоре и в процессе его приобретают новый смысл, заново интерпретируясь коммуникантами [13, с. 142]. Такой подход к анализу коммуникации вполне отвечает требованиям Д. Атласа о конвергенции семантического и прагматического начал в интенционализме Грайса [11, с. 279]. Обмен смыслом есть форма делового, эффективного сотрудничества для достижения ясности и четкости изложения, и в целом, коммуникативного успеха. В языке задается не только смысловое единство, выступающее самой возможностью общения, но и формируется процесс социального познания, чувства, эмоционально-волевые качества, мотивационно-потребностная сфера людей.

По Сёрлу, важным элементом коммуникации является производимый в процессе

общения языковой акт, где минимальной его составляющей является иллокуция [16, с. 39], реализация которой протекает в правилосообразных формах поведения, по аналогии, например, с игрой в шахматы [16, с. 40]. Когда говорящий сообщает слушателю определенную информацию, пытаясь убедить его в ее истинности, то окончательным средством достижения этой цели является намерение говорящего вызвать ответную реакцию реципиента, опознающего такое намерение говорящего [16, с. 45]. В свете сказанного становятся понятны некоторые особенности иллокутивно-пропозициональной логики речевых актов Серла. Поскольку речевой акт содержит пропозицию – *то, что* и *о чем* высказывается, постольку он содержит и иллокутивную цель – «...замысел, внутренне присущий ему как акту данного типа» [9, с. 252].

Вопрос о социальности речевых актов ставит в центр рассмотрения исследователь Н. К. Рябцева, отмечающая, что данная теория «...возникла благодаря открытию перформативных высказываний. Это тип автореферентных предложений с нестандартным соотношением между высказыванием и действительностью: они истинны в силу факта их произнесения» [8, с. 458]. Исходя из праксеологической и телеологической трактовки перформатива, становится ясно, что основной его социальной целью является изменение состояния действительности, положения дел, поведения индивидов.

Важно отметить, что иллокутивные цели речевого акта, реализуемые в перформативах – ассертивах, комиссивах, директивах, экспрессивах, определяют ментальное состояние как интенциональное в таких терминах, как «...вера, страх, надежда, желание, любовь, ненависть, симпатия, неприязнь, сомнение, удивление, удовольствие, восторг, уныние, тревога, гордость, раскаяние, скорбь, огорчение, виновность» [10, с. 99]. Интенциональность выступает платформой для социальных состояний, соотносящихся с природой языка, речевых актов. Соотношение это проявляется в том, что содержание ментального состояния в речевом акте высказывается, а в интенциональном – подразумевается. Поскольку дан-

ные состояния целерационально направлены, постольку социальная суть речевых актов и интенциональности становится очевидна. Они представляют направленную вовне социоинтенциональную силу – социальную эмоцию,

структурно включенную в корпус коммуникации. Они имманентны социальному миру говорящего и слушающего и рождаются в перформансе речевых актов, конвенциях, установленных нормах и правилах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Грайс П.* Логика и речевое общение / пер. с англ. В. В. Туровского // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика / пер. с разн. яз., сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой; общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 221–26.

2. *Демьянков В. З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века: сборник статей / ред. Ю. С. Степанов. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995.

3. *Кирющенко В., Колопотин М.* Джон Остин, аналитическая философия и язык как социальное явление // Д. Остин. Три способа пролить чернила: Философские работы / пер. с англ. В. Кирющенко; вступ. статья В. Кирющенко, М. Колопотина. СПб.: Алетей: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. С. 8–11.

4. *Кравец А. С.* Три парадигмы смысла // Вестник московского университета. Серия 7. Философия. 2004. № 6. С. 85.

5. *Никоненко С. В.* Английская философия XX века. СПб.: Наука, 2003.

6. *Остин Д.* Три способа пролить чернила: Философские работы / пер. с англ. В. Кирющенко; вступ. статья В. Кирющенко, М. Колопотина. СПб.: Алетей: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. С. 103–274.

7. *Остин Д.* Как совершать действия при помощи слов? // Д. Остин. Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 103–126.

8. *Рябцева Н. К.* Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. С. 458–479.

9. *Сёрл Д., Вандервекен Д.* Основные понятия исчисления речевых актов / пер. с англ. А. Л. Блинова // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXVIII. Логический анализ естественного языка / сост., общ. ред., вступ. статья и пер. с англ. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1986. С. 252–255.

10. *Сёрл Д.* Природа интенциональных состояний / пер. с англ. А. Л. Никифоровой // Философия. Логика. Язык / пер. с англ. и нем., сост. и предисл. В. В. Петрова; ред. Д. П. Горского; В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 99–125.

11. *Atlas J. D.* How Linguistics Matters to Philosophy: Presupposition, Truth, and Meaning / Syntax and Semantics / Ed. by C. -K. Oh; D. Dinneen. London, New York: Academic Press, 1979. Vol. 11: Presupposition.

12. *Austin J. L.* Performative-Constative / The philosophy of language / Ed. by J. R. Searle. Oxford: Oxford University Press, 1971. P. 12–16.

13. *Grice H. P.* Some Models for Implicature / H. P. Grice. Studies in the Way of Words. London, New York: Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1989.

14. *Grice H. P.* Utterer's meaning, sentence-meaning, and word-meaning / The philosophy of language / Ed. by J. R. Searle. London: Oxford University Press, 1971.

15. *Harre R., Tisshaw M. A.* Wittgenstein and Psychology: a practical guide. Oxford: Ashgate Publishing Limited, 2005. P. 76–240.

16. *Searle J. R.* What is speech act? / The philosophy of language / Ed. by J. R. Searle. Oxford: Oxford University Press, 1971. P. 39–46.